

ПУСТЬ И НА МАЛЕНЬКОЙ СЦЕНЕ...

ПОСЛЕДНИЕ НАПУТСТВИЯ закончены, и автобус тронулся со двора здания, что на Литейном, 51. Бригада артистов Областного театра драмы и комедии выехала, как принято говорить, «в район». Сколе трех часов пути по гладкой зимней дороге, и мы прибыли в поселок Волосово. Здесь в Доме крестьянина в течение нескольких дней и будет наша база — отсюда станем выезжать на спектакли в окрестные совхозы и колхозы. Первый выезд — в этот же день.

На крохотной сцене клуба колхоза имени XXI партсъезда с трудом уместились необходимые по ходу спектакля две раскладушки, маленький стол и стул. Для второго стула тоже необходимо, места уже не оказалось. Ничего, актеры как-нибудь обойдутся. Хорошо еще, что так называемый «зимельный» малагабаритный вариант оформления все же подошел, хоть и вплотную, к размерам этой сцены. А спектакль тем временем что-то запаздывает. Оказывается, джордж прислали делегата с просьбой подождать, пока они управятся. Зад, уже давно заполненный до отказа (каким-то образом здесь уместился человек полтора метра), терпеливо ждет. Наконец, двое театральных рабочих раздвигают занавес на скрипящих кольцах, и представление начинается. Новая работа театра — постановка пьесы А. Ольшанского «Глубокие следы» («Яблонька») впервые показывается сельскому зрителю.

До этого выезда спектакль не раз был сыгран на стационаре театра в городе, и его слабые и сильные стороны вполне определялись. Недостатки пьесы, подчас ее наивность и схематичность были очевидны. Но тем не менее в спектакле были приметные характеры, созданные молодыми актерами. Интерес вызвала Ольга (артистка Е. Маркина), девушка с сердцем гордым и замкнутым, независимая до грубоватости и в то же время по-настоящему, без лишнего слов, внимательная к людям. Юная Дашенька (И. Ужова) и впрямь напоминала нежную и чистую яблоньку, чуть было не сломенную злым ветром. Упрямо и четко раздумывая над жизнью, над людскими поступками и над самим собою вчерашний сержант, вышедший тракторист Илья (С. Кожовкин). Труднее доводилось артисту Д. Зяченко: на его героя, Алексея, автор взвалил все семь смертных грехов, разоблачил его с первых же слов. Так что центральный герой-злодей оказался очень уж незамысловатым. Зато в незамысловатой же у автора любимой паре — в Юльке и Тимке артисты С. Карпинская и Н. Мельников сумели отыскать и жизненную достоверность, и смешную, но милую человеческую чистоту. Так спектакль пусть негромко, но искренне говорил о моральных нормах нашей жизни, о том, как не только трудно и много работают, но и думают о человеке будущего, борются за него сегодня молодые целинники.

И ВОТ СПЕКТАКЛЬ смотрят те, кто по роду своего труда особенно близок к сценическим героям. Внимание невольно раздвигается между сценой и залом. Зрители смотрят и слушают заинтересованно, аплодируют. Но все в глазах невольно бросается всякие «накладки»: вот актеры, вынужденные из-за крошечных размеров зала изменить привычные мизансцены, топчутся на месте, чуть не сталкиваются. Кто-то теряет внутреннюю линию поведения своего героя и какое-то время почти механически произносит текст. Во всем сказывается «необжитость» спектакля в новых условиях. Если бы видел сейчас все это главный режиссер театра и постановщик «Яблоньки» В. Овчянинов! Но режиссеры областских театров не сопровождают свои спектакли при выезде в глубинку.

На то есть серьезные причины: пока часть труппы находится в области, другая выступает в городе, и режиссер готовит к нему очередную постановку — ведь в поездках релетировать невозможно. Но все же, думается, театрам следует вести за правило выпускать каждую новую свою работу не только в городском здании, но считать особенно ответственной премьерой и первое представление на маленькой сельской сцене. Важно не оставлять спектакль и здесь без контролирующего глаза режиссера, вносить в него необходимые поправки. Готовиться к такой премьере нужно заранее, не только создавая малый вариант оформления, но творчески пересматривая при этом весь ход спектакля. Тогда будет возможно ликвидировать обидную разницу между «городским» и «сельским» представлениями.

ХОРОШИЙ клуб в Тресковцах, большой, мест на 250, потолок высокий, просторная сцена. Но ходит! И это это додумался так построить клуб: в конце длинного зала стоят две крутые железные печки, сейчас они дышат жаром, но стоит отойти лишь на несколько шагов — и изо рта уже вырываются густые клубы пара. Ни за стеной, ни по бокам пещек воюет ветер. Кто-то из актеров сказал негромко, обращаясь в пространство: «А по закону об охране труда мы имеем право не играть...» Никто же поддержал эту реплику. Актеры деловито раскладывали коробочки с гримом, костюмерша А. Чурбанова уже хлопотала с утюгом, расправляя летние платица девушкам. Но администратор бригады М. Гиттович вдруг забеспокоился: «Как — не играть? А вы видели, что делается у крыльца? Нет, вы пойдите, посмотрите!»

Под черно-морозным небом с крупными звездами стояло девять грузовиков и тракторы с прицепами. Это приехали люди из дальних бригад: животноводы, механизаторы, полеводы. Они ехали, стоя в открытых кузовах на обжигающем ветру, чтобы попасть на этот спектакль. Клуб был волон.

А не мешало бы Областному управлению культуры, партийным комитетам производственных управлений почаще интересоваться, в каких условиях выступают областные театры перед своими зрителями, в каком состоянии находятся клубы.

И все же холод на сцене не помешал актерам, а может быть, их ободрила волна душевного тепла, лившаяся им навстречу из зрительного зала, но играли они в тот вечер, как говорится, с полной отдачей.

В антракте перед занавесом появился администратор и объявил, что после спектакля будет небольшая зрительская конференция. К желающим просьба остаться.

Остались все. Не было пристрастных речей, не было торжественной трибуны. Просили актеров презагать почаще. И обязательно, чтобы были программы спектаклей, как в городе. А то некоторых актеров видят уже не в первый раз, а по именам не знают. Кто-то спросил: «А как же с Алешей дальше? Будет ли он человеком?» «Будет!» — откликнулся из зала чей-то голос. — Надо же ему к людям привыкаться». Хвалили Дашеньку... И вдруг кто-то проговорил: «Нам бы не только про колхоз, нам все интересно». В зале разоглолось зашумели. Потом поднялась женщина: «Почему классика совсем не играет? Мы бы Чехова хотели посмотреть, Островского, Горького». Ее дружно поддержали.

К этим высказываниям зрителей надо, безусловно, прислушаться руководству областных театров. Дей-

ствительно, афиша областных театров страдает еще одиозностью — классическая драматургия на ней отсутствует. А если присмотреться к «вышедному» репертуару, то обнаружится и еще один грех — его тенденция к упрощенности. Почему, например, сказал так о «колхозных» пьесах один из выступающих? Может быть, все дело в том, что показывая в тот вечер пьеса мало добавляла к тому, что и сам знает о своей жизни сельский житель? Почему не показывать сельским зрителям «Коллегу» В. Аксенова? Конечно, играть этот спектакль на маленькой сцене непростое, но ведь показал на тех же площадках Областной драматический театр свои спектакли «Барabanщица» А. Салынского и «Черные птицы» Н. Погодина — отнюдь не менее сложные. Глубоко неверно считать, что здешний зритель «еще не дорос». А «упрощенные» спектакли в лучшем случае способны поразвлечь его, но зато богаты душой его уму и сердцу они не в состоянии, равно как и воспитать театральную культуру зрителя. И если областные театры еще сталкиваются порой с неверной реакцией зала, то в конечном счете им остается пенять на самих себя.

Мой путь лежал обратно, а бригаде предстояло еще выступить в леспромохое, затем углубиться в Кингисеппский район. В течение недели каждый день — на новом месте. Потому этот спектакль вернется в город, а за смену ему поедет другой... Так в прошлом году Театр драмы и комедии из общего числа 497 спектаклей 410 сыграл в области.

У областных театров нечеткая, достоянная унаследованная жизнь.

Т. МАРЧЕНКО